

ЛИТЕРАТУРА КАК "ПОВТОР ПРЕКРАЩЕННОГО ПОВТОРА"

Игорь П. Смирнов, На пути к теории литературы. Rodopi, Amsterdam 1987, 128 pp. [= Studies in Slavic Literature and Poetics, Volume X, Edited by J.J. van Baak, A.G.F. van Holk, W.G. Weststeijn].

Поиск универсального отличительного механизма литературного (художественного) дискурса или литературности результировал в концепции Смирнова формулой "повтор прекращенного повтора". Все остальные его работы последних лет читаются теперь либо как обоснования этой формулы, либо как ее следствия, в том числе и как проверка ее действительности, например, в области литературной интертекстуальности и диахронии (см.: Смирнов 1985а).

"Повтор прекращенного повтора" - не описательный и идеологизирующий термин, а именно формула имманентного литературного текстопорождающего механизма. Отсюда и ее объяснительная сила, и ее практическая применимость, и открываемые ей новые перспективы для литературоведения.

В диахронном плане литература предстает как единый, порождаемый одним и тем же механизмом, бесконечный дискурс. Внутренняя дискретность и трансформации этого дискурса определяются подлежащими повторению "прекращаемыми повторами" и как выбором повторяемого, так и меной его статуса в повторяющемся. С этой точки зрения отдельный текст может быть истолкован в трех аспектах: как подлежащий повтору, как прерывающий повторяемость, как очередной повтор. В первом случае он, так сказать, интерпретируется (эксплицируется) очередным текстом самой литературы; во втором - ставит предшествующую повторяемость в литературе в позицию исчерпанной себя парадигмы; в третьем - трансформирует обнаруженную и объявленную исчерпанной парадигму и возводит ее в иной семиотический ранг. Все это значит, что литература и автодиалогична, и автоцитатна и интерсемиотична. Автоцитатность предохраняет ее от потери накопленной информации, автодиалогичность - от консерватизма, а интерсемиотичность обеспечивает получение новой информации на базе уже имеющейся. Так, к примеру, *Весна Пастернака (Что почек, что клейких заплывших огарков...)* напоминает о Достоевском (*Идиот, Братья Карамазовы, Бесы*), Пушкине (еще дуют холодные ветры...) и Ницше

(учения Заратустры *О любви к ближнему, О свободной смерти, О поэтах* и *О старых и новых скрижалях* из *Так говорил Заратустра*; связь *Весны* с Достоевским и Ницше отмечена Смирновым в: Смирнов 1985а: 152-154, примеч. 76), конструирует между ними диалогические отношения, эксплицирует их 'инвариант' и на новом уровне повторяет его как парадигму 'пресуществления' и 'поэтического творчества = искупительной жертвы' (детальный разбор *Весны* см. в: Рагуно 1988а). Так понимаемая интертекстуальная диалогичность требует, конечно, более тщательной разработки, но уже теперь можно указать, в чем ее перспективность: интертекстуальные отношения строятся вспять и всякий раз создают 'историю мотива' (культуремы или мифологемы), исключая из нее одни звенья и включая другие. Если под 'звеньями' понимать закрепленные культурой за определенными мотивами предикаты и узусы, то тогда интертекстуальность окажется самоперестраивающейся памятью культуры (уже - литературы).

В пределах единичного текста "повтор прекращенного повтора" позволяет более строго членить этот текст на его конструктивные единицы и выявлять предполагающиеся текстом эквивалентности. При этом существенно, что каждая очередная единица ("повтор") крупнее предыдущей, с одной стороны, а с другой - не аддитивна по отношению к предыдущей, но оказывается охватывающей (включающей ее в себя). Прежде целое превращается теперь в часть, а прежде составное - в одно целое. Так тексту обеспечивается его формальное, композиционное единство. Что касается семантической связности, то на всех уровнях и на всей протяженности текста должна выявляться одна и та же варьирующаяся семантема, независимо от того, строится ли такой текст в рамках предикатного или же экспликативного синтаксиса. Более того: для семантики и мотивики "повтор прекращенного повтора" означает, что они не привносятся в текст извне, а либо порождаются, либо эксплицируются в пределах данного текста из некоей исходной его 'протоформы' (или из 'пре-текста').

На с. 29 и след. Смирнов сближает литературу и искусство с мифом и с первобытной культурой. В какой степени такое сближение правомерно и доказуемо, без серьезной верификации судить преждевременно. Но надо сказать, что "повтор прекращенного повтора" может быть вполне плодотворно применен в этнографии к обрядным действиям, и прежде всего на уровне их сегментации на единицы неравномерной длины, с одной стороны, а с другой - он позволяет вычленить до сих пор не вычленявшиеся или оставляемые без внимания акты, прекращающие повтор.

Вопросом, когда повтор подлежит прекращению, Смирнов почти не занимается. Думается, однако, что это не произвольный акт и что такой повтор прекращается сам, в силу своей исчерпанности, т.е. тогда, когда его продолжение либо уже невозможно (например, в градациях, достигших своего предела), либо превратилось бы в непродуктивное тиражирование (в продуцирование тождественного). Поэтому более адекватной была бы, кажется, формула "повтор прекратившегося повтора" или "повтор исчерпанного повтора". Так или иначе, тут открывается еще не исследованная и крайне перспективная область как для лингвистической поэтики и для литературоведения так и для семиотики вообще. Само собой разумеется, что в случае диахронии литературы как целого это - проблема кризиса и смены художественных систем, т.е. проблема, которой Смирнов занимается с самых ранних своих работ (хотя, правда, с акцентом преимущественно на самих системах, а не на их кризисных состояниях - см.: Смирнов 1977, 1981, 1987b, Деринг-Смирнова, Смирнов 1982).

Книга "На пути к теории литературы" образована из нескольких значительно переработанных, прежде разрозненно публиковавшихся статей (Смирнов 1984а, 1985b-с, е, 1986а, 1987d), не теряющих из-за этого своей актуальности: читателю, не следившему за публикациями Смирнова, например, статья "О специфике художественной (литературной) памяти" (1985b) может оказаться ценной тем, что там полнее раскрыт ход авторских предварительных рассуждений, тогда как соответствующие главы книги (с. 11-29) являют собой их итоги и следствия. Новая последовательность и новый статус глав (а не статей) единого целого ставит "повтор прекращенного повтора" в положение вторичного по отношению к исходной инстанции - "памяти" как истока всякого дискурса и этим самым превращает его в 'автоповтор памяти', буквально в "память о памяти" (с. 21: "Пользуясь словами Андрея Белого, можно было бы назвать художественный текст «памятью о памяти»").

Если "память о памяти" воспринимать не метафорически, то, с одной стороны, получится 'память, сообщающая (демонстрирующая) самое себя' (ср.: "Семантическая память в ее художественном преломлении обращена на себя" - с. 21 и на с. 17: "воспроизведенный повтор становится повтором в себе, самоцелью"), а с другой, - 'повтор повтора' окажется не столько порождением памяти, сколько экспликацией понятия "память" в терминах повтора. Занимая позицию эксплананса по отношению к "памяти" как экспланандуму, "повтор" тем самым должен быть по крайней мере не менее элементарен и не менее универсален, чем "память" (скажем, одним из ее имманентных свойств: способ -

ностью оперировать с самой собой). Отсюда и несколько параллельных проблем: проблема удвоения памяти в виде "эпизодической" и "семантической"; проблема "субъектности" или "субъективности" и проблема "исчезающего и появляющегося объекта", что на деле есть все та же проблема "повтора повтора".

Когда говорят о памяти, имеют в виду две разные вещи: хранящийся в мозгу запас информации в виде набора энграмм и способность пользоваться этой информацией. Энграммы, предположительно, единичны и неизменны, всегда тождественны самим себе (во всяком случае, они таковы в нынешних компьютерах). Но пользоваться ими можно непимитированное количество раз. При одном, однако, условии: при альтернативности их возбужденных /погашенных состояний, т.е. памятования и прекращения памятования, где "памятование" - способность воспроизводить, а "не-памятование" - способность "не-воспроизводить" (выключать, блокировать). Иначе: память как хранящаяся энграмма - недискретна по временному признаку; память же как способность пользоваться (воспроизводить) - дискретна. Прочная память та, энграммы которой не стираются, иначе - непрерывны во времени; эффективная же память та, которая в состоянии в нужный момент включить (отблокировать) нужную энграмму, т.е. сколь угодно дискретная и сколь угодно тиражируемая. И если временную недискретность определить как содержание (латентный запас информации), то временная дискретность - один из способов актуализации этого содержания.

Запомнить чей-то голос, внешний вид, походку - значит закрепить их при помощи акустических, визуальных, двигательных и пр. кодов как определенные энграммы. Вспомнить - значит обратиться к этим энграммам и воспроизвести по ним тот голос, тот внешний вид, ту походку. Это воспроизведение не только ментально, оно может быть и весьма успешно экстерьеризовано: при помощи своего голоса, внешнего вида и движений можно создать более или менее сходное с запомненным. Но это будут не 'подлинники' (исходные референты), а их дубликаты. Это явление подсказывает, что энграммы, вероятнее всего, - программы построения дубликатов. Если так, то тогда "закрепить нечто в памяти" предполагает 'раскрыть устройство запомненного' или 'завладеть его секретом' и в итоге - 'сделать своей собственностью'.

С данной точки зрения память как закрепление/воспроизведение родственна обладанию объектом на уровне психофизических отношений человек - мир. Иметь нечто - хранить это нечто в его-сфере. Но это состояние недискретно, латентно. Дискретное же 'иметь' - распоряжаться обладаемым по своему усмотрению и когда угодно. Если это второе условие невыполнимо или ограничено, то я "имея, не имею" /

аналогично и в случае невозможности сиюминутно нечто вспомнить: "имея в памяти, не помню", "помня (зная), не помню".

Компьютер - память. Однако он - не субъект. Средства производства и народное хозяйство - и мое имущество, однако я ограничен в пользовании ими или вовсе отчужден, т.е. я неполноценный субъект или вовсе не субъект. Каждый знает некий язык, но, по Бенвенисту, (1974: 292-300, глава *О субъективности в языке*), он еще не субъект если не назовет себя "я" и этим самым на время речи не присвоит себе весь язык, т.е. если не станет говорить=пользоваться языком. Таким образом, и семиотическая и социофизическая субъективности потенциальны, реализуются же они в определенных социальных рамках (применительно к "иметь/распоряжаться", "помнить/воспроизводит" или "знать язык/говорить на нем" в отдельных культурах имеются свои общественные санкции, что значит, что это санкции и на субъектность) и тогда, когда данный индивид не только имеет нечто в своем распоряжении, но и распоряжается обладаемым по-своему усмотрению. Чтобы стать субъектом, память, язык или имущество - недостаточное условие: полноценная субъектность конституируется и манифестируется лишь в актах пользования.

В статье *Тотемизм и теория жанров* Смирнов (1987d: 25) исходит из следующего положения:

В основе тотемизма лежит вера в то, что объектная реальность эквивалентна субъекту. Мир объектов (животных, растений, неживой природы) выступает в тотемических мифах и ритуалах в качестве такой инстанции, которая позволяет человеку (коллективу или индивидууму) идентифицировать с е б я. Объект осознается в виде субститута субъекта и *vice versa*. При этом объекту приписывается свойство 'быть предком субъекта': концептуализация объектов рассматривается концептуализирующим как то, что его создает.

В книге (с. 30-31) "объект" подменен формулой "художественный референт-объект", т.е. объектом-дубликатом, порождаемым в рамках художественного дискурса. Сама же классификация отношений "объект/субъект" и вытекающая отсюда "теория жанров" сохраняются в том же виде.

Рассматривая жанры и роды (с. 29-39) как следствия эквивалентности референта-объекта референту-субъекту, Смирнов вскрывает не только их строгую системность в рамках единого литературного целого, но и открывает широкие перспективы для культуроведения, прежде всего для исследований поведенческих жанров в быту и в обрядах. И если бы

к этому учесть и таким же образом разработать общественные санкции относительно субъектности/объектности и актов пользования/непользования, то можно ожидать, что мы бы получили и имманентные литературные фабулогенные механизмы.

В случае памяти субъектность конституируется и идентифицируется в актах дискретной памяти, т.е. альтернирующих забвений и воспоминаний (непрерывная память также разрушительна для личности, как и амнезия).

Объект и хранимый в памяти его след-энграмма соотносятся друг с другом как план выражения и план содержания. В акте воспоминания энграмма занимает позицию инварианта и его актуализации (варианта). Но сколько бы ни вспоминать-воспроизводить, от этого знаковый статус вспоминаемого не изменится и всегда будет дубликатом объекта.

В паре "объект - воспроизводимый в памяти дубликат" этот второй - сущностный повтор объекта, его более ценный и подлежащий хранению двойник. На социофизическом уровне этой паре соответствует пара "объект-копия=двойник" или "объект - дублирующий его атрибут" (ср. главу *Метафора* в: Фрейденберг 1978: 180-205). Без такого дубликата-атрибута человек или предмет обесценивается, теряет свою идентичность (ср. роль родимых пятен в мифологии, удостоверений личности в современности, 'безродности' в истории культуры и т. д.). Атрибут-дубликат и 'память о' превращает "любого/всякого" в 'социального' и в 'личность' (а 'нечто' - в 'предмет, объект'). Поэтому не думается, что только литературный универсум референтов недостаточен (с. 26). Так же референтно недостаточен и универсум всякой культуры, ориентирующейся на содержание. По Смирнову, этот свой недостаток литература компенсирует за счет избыточности "знаково-концептуальных средств" (с. 26). Но точно так же ведет себя и культура, когда умножает дубликаты-атрибуты включаемых в себя объектов или субъектов. Так, магические действия почти вовсе не оперируют с самими объектами-субъектами и предпочитают их сущностных двойников - куклы, атрибуты, рисунки, имена (кстати, не иначе ведет себя и современная бюрократия, подменяя нас всяческими документами и оперируя исключительно с этими документами). Равным образом и сказочные герои добиваются не богатств, а права на субъектность, чем объясняется и финальное изобилие: оно - выход в универсум одних атрибутов-сущностей, универсум, порожденный тем механизмом, который Смирнов по отношению к литературе называет "квазимагическим мимезисом" (с. 28-29).

Для того, чтобы быть объектом или субъектом, необходимо "существовать", но это недостаточное условие. На деле, "существование" всего лишь обеспечивает возможность стать объектом или стать субъектом. Существующие "некто" или "нечто" (ср. неопределенность начальных дескрипций классических текстов) становятся "субъектом" или "не-субъектом" (S или $\bar{S}$), "объектом или "не-объектом" (O или $\bar{O}$) тогда, когда они дублируются и этим самым свидетельствуют о своем самоощущении (так, Тезей должен был доказать Миносу, что он 'Тезей', т.е. сын Посейдона, добывая перстень Миноса с морского дна; по тому же закону в рассказе Гомбровича *Банкет* - Gombrowicz: *Bankiet* - королевский совет министров на тайном заседании решает "принудить короля к королю, заковать короля в короле", т.е. заставить короля быть 'королем': "- Panowie, trzeba zmusić króla do króla, króla trzeba uwięzić w królu, trzeba nam zamknąć króla w królu...").

На уровне физического (референтного) мира тут открываются два типа дубликации: либо подтверждающая сущностное самоощущение объекта, и тогда в данном объекте реализуются требующиеся от него свойства, либо отрицающая его сущностность, и тогда требующиеся от данного объекта свойства отсутствуют или прямо противоположны, что оборачивается затем истинностью или ложностью мира, а для действующего в этом мире субъекта - выходом-спасением или же тупиком-гибелью и т.п. Иначе говоря, это та исходная ситуация, которую позволительно соотносить с "катахрезой" и с модальностями "появления/исчезания" (см.: Смирнов 1977: 169-174; 1984b; 1986b; 1987a: 27; Деринг-Смирнова, Смирнов 1982: 72-122).

На речевом уровне тут открывается возможность для "двойного обозначения" или "двойной классификации" (с. 25-26), санкция на которые задается инициальной, так сказать, катахрестической дескрипцией, утверждающей существование ('появление'), но не предопределяющей ни истинного ни ложного, ни желательного ни нежелательного характера появляющегося или исхода предпринимаемых действий. Таков, в частности, смысл и статус в языке целой особой группы взаимонегатирующихся именованных типа *какой-никакой, когда-никогда, что-ничто, кто-никто, как-никак, куда-никуда, сколько-нисколько, большой-небольшой, плохой-неплохой, была не была, хочешь не хочешь, волей не волей* и т.д. - ср. частое в разговорной речи *надо не надо - бери!; скажет не скажет - спроси!; успеем не успеем - идем!* (некоторые наблюдения над такой группой удвоенных местоимений см. в: Янко-Триницкая 1977: 121-126).

Разбираемый Смирновым рассказ Толстого *Метель* (с. 16-17, 20, 26) повествует, собственно, о том, как "некая дорога, небыв 'дорогой' стала

‘дорогой’”. На фабульном уровне эта дорога, конечно, “исчезает” (ее замело снегом), но вряд ли она “исчезает” и затем “появляется” по воле дискурсного механизма, т.е. автоматически. ‘Исчезновения’ и ‘появления’ объектов, о которых говорит Смирнов (24-29), действительны, имеют место, но их природа иная - семиотическая.

Первый повтор, при помощи которого конституируется объект, в своем положительном аспекте должен быть сущностным повтором, а в своем отрицательном аспекте - сущностной негацией. Однако экзистенциально они оба позитивны, конституируются как O или $\bar{O}$. Все, что в дальнейшем происходит в дискурсе, - происходит не на уровне самого объекта (референта), а на уровне его сущностных дубликатов (атрибутов), а в речевых жанрах - в сфере дескрипций. Фабульно это выражается потерей одних атрибутов и обретением иных. Одно и другое разрешается заданной инициальной неопределенной дескрипцией. По каким правилам эта заданная исходная санкция затем реализуется - это уже другой вопрос. Одно из решений, по-видимому, - введение “двойника”. Иначе: одновременная реализация обеих исходных возможностей, т.е. параллельных дескрипций и, в эффе́кте, двухтекстовость дискурса. Думается, что это явление как раз и имеет в виду Смирнов, когда определяет поэзию как ‘вечное возвращение’, а прозу - как ‘второе рождение’ (с. 29), когда говорит, что “в центр прозаического искусства выдвигается категория нового начала” (с. 72), или когда дифференцирует короткие и длинные нарративы, в частности, по признаку “совпадения итоговых точек” и “противоположных завершений”, “двух концов” (с. 114-115; глава *Короткие/ (Длинные) нарративы*).

Если первый повтор конституирует некий экстенциональный референт как самоидентифицирующийся и на себе замкнутый объект, то второй повтор (повтор первого повтора) превращает этот объект в интенциональный референт и меняет его семиотический статус. Вот эта потеря экстенциональной референтности и переход на автореферентность и отвечает тому, что Смирнов называет “исчезающим объектом” или “дефицитом художественного универсума референтов”. Собственно, то же самое у Смирнова и сказано на с. 17-18:

[...] Начинаясь с простого параллелизма, литературное произведение затем трансцендирует его; воспроизведенный повтор становится повтором в себе, самоцелью.

Предлагаемая гипотеза ревизует теорию Р.О.Якобсона, отводившего параллелизму роль фундаментального приема словесного искусства, но при этом не рассматривавшего параллелизм как в обязательном порядке двойной - как сразу внутренний и внешний.

Фабульная потеря дороги в *Метели* Толстого и фабульное забвение в Пушкинском *Я помню чудное мгновенье..* - факультативны, результат иного, не всегда активизируемого механизма двойного конституирования объекта или субъекта. У Пушкина эта двойственность получает свою санкцию в 'помнить'/'забыть'. И заметим, что если инициальное "Я помню" референтно, т.е. предполагает предварительную внетекстовую встречу "Я" с "ТЫ", то повторное 'воспоминание' уже не воспоминание, а безреферентное "Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты, [...] И сердце бьется в упоенье, И для него воскресли вновь И божество, и вдохновенье, И жизнь, и слезы, и любовь", где безреферентны уже и "Я" и "ТЫ": они теперь образуют нечленимое, так сказать, "трансцендированное" 'вдохновенно жить' (в отличие от инициально-го, хотя и исключительного, но все-таки реально-бытового 'виденья').

Контрольный пример из Goethe *Wanderers Nachtlied* (с. 15-16) показывает то же самое: здесь вообще нет никакого фабульного исчезновения, но в силу повтора прекращенного повтора меняется статус инициального референтного 'покоя' ("Über allen Gipfeln Ist Ruh") на метафизическое 'умиротворение' ("Warte nur balde Ruhest du auch").

Едва ли не самый яркий пример тому, что сущность искусства заключается не в тематике-содержании и выражении, а в трансформирующем-трансцендирующем механизме "повтора прекращенного повтора", является удостоверяющая право Гейне на 'быть поэтом' записка, оставленная им сопернику Релинквимины в *Апеллесовой черте* Пастернака:

[...] Ключок этот заключал в себе часть фразы, без начала и конца: «но Рондольфина и Энрико, свои былые имена отбросив, их сменить успели на небывалые доселе: он - «Рондольфина!» - дико вскинув, «Энрико!» - возопив - она».

Несколько сложнее пример из *Poetry and Grammar* Gertrude Stein (у Смирнова он оговаривается на с. 18-20):

A rose is a rose is a rose is a rose.

Эту формулу можно читать, по крайней мере, двояко. И так:

"A rose" is 'a rose' is "a rose" is "'a rose'",

где первое "rose" либо референт либо словоформа, а очередные 'rose', "rose" и "'rose'" - все более сущностные предикаты или все более

стороны, а с другой - каждый очередной повтор рекуррентно включает в создаваемый текст прежде самостоятельную 'семиу' (предикат, атрибут, и т. д.) и превращает ее в интегральную часть нового целого, строящегося вспять, *ex post*, и всякий раз повышающего свой семиотический статус. Само собой разумеется, что такое образование всегда референтно недостаточно, поскольку в любой позиции некий знак всегда неполноценный - его план выражения (если он - 'сема') входит в предыдущий знак, а его план содержания (если он - уже план выражения) - в очередном повторе. Дефицитная референтность компенсируется за счет многократного (при всяком повторе) превращения в статус плана выражения или, иначе, за счет множественности плана выражения (что и можно определить как "появляющийся объект", с тем, однако, что такой вновь появляющийся объект имеет уже иной семиотический или онтологический статус и у него иной генезис, чем у исходного экстенционального референта). Аналогична и картина в случае семантики (плана содержания).

Если посмотреть на весь этот процесс в категориях знака, то тут имеет место выворачивание знака наизнанку, мена местами его плана выражения и плана содержания и не единичная проекция "с оси селекции на ось комбинации" (Якобсон 1975: 204), а взаимная двойная проекция с иерархической оси плана выражения на последовательную ось семантики и с последовательной оси семантики на иерархическую ось плана выражения: семантика стремится стать планом выражения, а план выражения - семантикой. "Повтор прекращенного повтора" или "двойной параллелизм" Смирнова - не только механизм, при помощи которого такая взаимная двойная проекция осуществляется, но и механизм, который расщепляет знак и порождает проецируемые парадигмы. Так устроенный текст не нуждается во внешних парадигмах или внешних фондах 'сем' и 'мотивов', он нуждается только в "отправном комплексе", скажем, 'мотивно-семантическом', который хранится в "памяти" литературного дискурса о самом себе, т.е. в памяти об иных текстах.

Правда, о взаимопроекции и о внутритекстовом порождении проецируемых парадигм Смирнов не говорит. Дело в том, что он не занимается уровнем "знака" (из-за его сильной 'идеологизированности') и ищет, так сказать, 'надзнаковый' текстопорождающий механизм литературного дискурса. Но если, вопреки автору, читать его концепцию 'семиотически', особенно главу *Поэзия vs. Проза* и изложенную там дифференциацию поэтической и прозаической рекуррентности (с. 49-75), то особых искажений не должно быть. Более того. Во вводных главах (с. 6-14) Смирнов склонен отмежеваться от "автоличности", "автореферентности", "авторerefлексивности" литературы и

от Якобсоновской "направленности (Einstellung)" "на сообщение как таковое", "ради него самого" (Якобсон 1975: 202). Между тем никакой надобности в этом нет - вся книга, собственно, не что иное как доказательство автореферентности (автореклексивности) литературного дискурса, доказательство, проведенное на более строгом логическом уровне. Кстати, и сам Смирнов не избегает таких формулировок как "воспроизведенный повтор становится повтором в себе, самоцелью" (с. 17) или "Семантическая память в ее художественном преломлении обращена на себя" (с. 21). Поэтому отказ от той терминологии не означает отказа от проблемы и не перечеркивает традицию. Предлагаемую постановку вопроса он предохраняет от 'идеологичности', с одной стороны, а с другой, - от инертного ее восприятия на распространяемом литературоведческом языке. Тем более, что основная цель концепции - определить статус и место литературного дискурса в системе всяких других дискурсов.

Недооценить книгу Смирнова не сложно, переоценить же - едва ли возможно. В любых практических литературоведческих исследованиях, с лингвистической поэтики начиная и интертекстуальностью кончая, обойти эту книгу уже никак нельзя. В теоретическом же плане она открывает новые области исследований и особо перспективна там, где не над всеми "i" расставлены точки самим автором. Поскольку своим заглавием книга адресуется прежде всего к литературоведам, в заключение желательно еще подчеркнуть, что не в меньшей степени она окажется необходимой как лингвисту, так и каждому культуроведу.

Варшава, Рождество 1987.

Л и т е р а т у р а

Бенвенист, Э. 1974. *Общая лингвистика*. Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова. Москва.

Деринг-Смирнова И. Р./ Смирнов И. П. 1982. *Очерки по исторической типологии культуры. ... -> реализм -> (...) -> постсимволизм (авангард) ->... . Salzburg.*

Смирнов, И. П. 1977. *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*. Москва.

- Смирнов, И. П. 1981. *Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов*. *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 4*. Wien.
- Смирнов, И. П. 1984а. Логико-семантические особенности коротких нарративов. - *Russische Erzählung - Russian Short Story - Русский рассказ. Utrechter Symposium zur Theorie und Geschichte der russischen Erzählung im 19. und 20. Jahrhundert*. Herausgegeben von Rainer Grübel. Amsterdam: Rodopi.
- Смирнов, И. П. 1984b. "Катаhreza". - *Pojmovnik ruske avangarde. Drugi svezak*. Uredili: Aleksandar Flaker i Dubrovka Ugrešić. Zagreb.
- Смирнов И. П. 1985а. *Порождение интертекста (Элементы интер-текстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака)*. *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 17*. Wien.
- Смирнов, И. П. 1985b. О специфике художественной (литературной) памяти. - *Wiener Slawistischer Almanach, Band 16*. Wien.
- Смирнов, И. П. 1985c. Два типа рекуррентности: ПОЭЗИЯ vs. ПРОЗА. - *Wiener Slawistischer Almanach, Band 15*. Wien.
- Смирнов, И. П. 1985d. Оппозиция стихи/проза в литературоведческой концепции Б.М. Эйхенбаума. - *Revue des Études Slaves, LVII/1*. Paris.
- Смирнов, И. П. 1985e. Jenseits des Poststrukturalismus oder Lässt sich Literatur definieren? - *Poetica, Band 17, Heft 3-4*.
- Смирнов, И. П. 1986а. Об универсальных правилах порождения комического дискурса. - *Russian Literature, XX-II*. Amsterdam.
- Смирнов, И. П. 1986b. Катаhreza. - *Russian Literature, XIX-I*. Amsterdam.
- Смирнов, И. П. 1987а. *На пути к теории литературы*. Amsterdam: Rodopi.
- Смирнов, И. П. 1987b. Авангард и символизм (Элементы постсимволизма в символизме). - *Pojmovnik ruske avangarde. Āesti svezak*. Uredili: Aleksandar Flaker i Dubrovka Ugrešić. Zagreb.
- Смирнов, И. П. 1987c. Thesen zur synchronisch-diachronischen Typologie der Avantgarde. - *The Slavic Literatures and Modernism. A Nobel Symposium August 5-8 1985*. Editor: Nils Ake Nilsson. Stockholm: Almqvist and Wiksell International.
- Смирнов, И. П. 1987d. Тотемизм и теория жанров. - *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 20: Mythos in der Slawischen Moderne*. Herausgegeben von Wolf Schmid. Wien.
- Faruno, J. 1985. 'Я ПОМНЮ (чудное мгновенье...)' и 'Я (слово...)' ПОЗАБЫЛ'. - *Wiener Slawistischer Almanach, Band 16*. Wien.
- Faruno, J. 1987. Роль текста в литературном произведении. - *Studia Rossica XI*. Budapest.

- Фагуно, J. 1988. Греческая губка на зеленой скамейке в "Весне" Пастернака. - *Dissertationes Slavicae - Supplementum: Boris Pasternak*. Szeged.
- Фрейденберг, О. М. 1978. *Миф и литература древности*. Москва.
- Яacobсон, Р. 1975. Лингвистика и поэтика. Перевод с английского И. А. Мельчука. - *Структурализм: "за" и "против"*. Сборник статей. Москва.
- Янко-Триницкая, Н.А. 1977. Повторы в местоимениях. - *Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник, выпуск 12*. Саратов